

УДК 340.125

Праксеологические критерии юридической ответственности в российской правоприменительной практике

Рязанова М.Н.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского филиала Российского государственного университета правосудия

В статье с позиции праксеологического методологического подхода проведена оценка юридической ответственности как института российского права. Автор акцентировал внимание на соотношении современных социально-философских учений с теоретико-правовыми направлениями исследования практического эффекта от реализации мер ответственности и их зависимости от фактических обстоятельств. В результате в статье сделан вывод о необходимости анализа праксеологических критериев исключительно при наличии определённой динамики отношений, развивающихся по поводу совершённого правонарушения. Основными методами проведения исследования стали общенаучные (формально-логический, аналитический) и некоторые частнонаучные методы, включая правовую праксеологию и герменевтику, необходимые при оценке тенденций российской правоприменительной практики по отдельным аспектам применения мер юридической ответственности. Автор выдвигает в качестве основного вывода тот факт, что юридическая ответственность обладает комплексом праксеологических критериев, позволяющих сопоставить не только её цели и результаты, но также способы их достижения и человеческое восприятие наложенных мер негативного характера.

Ключевые слова: юридическая ответственность, праксеология, правоприменительная практика, правовое регулирование, теория права, правовая политика, правоотношения

Категория «правовая праксеология» относится к сравнительно новым веяниям в юриспруденции в силу того, что получила распространение среди научных исследователей за последнее десятилетие. Так, в зарубежных публикациях праксеологический подход применяется со второй половины 1990-х гг. Во многом он затрагивает лишь отраслевые правовые явления, испытывающие непосредственное влияние правоприменительной практики. В России введение в научный оборот юрико-праксеологического подхода произошло в начале 2000-х гг. на базе философско-правовых и теоретико-правовых направлений. Примечательно, что без базового использования данного метода в современной теории права праксеологические тенденции активно используются отраслевыми юридическими науками.

В качестве результата следует констатировать разноплановый характер восприятия данного методологического подхода применительно к отдельным правовым явлениям и процессам.

Юридическая ответственность в плоскости праксеологического подхода раскрывается как открытая система отношений, складывающихся в связи с реакцией субъектов на правонарушения, предопределяющие дальнейшие действия людей [1, с. 10; 2, с. 382]. Между тем в зависимости от интереса, реализуемого в данных правоотношениях, различается выбор такого субъекта. В частном праве им выступает пострадавшая сторона, которой предоставляется аксиоматический выбор механизма защиты. В принципиальном выражении он сводится к репрезентации, т.е. возможности провести оценку условий ре-

ального применения мер негативного воздействия на нарушителя [3]. В конечном результате субъект такого отношения определяет целесообразность привлечения виновного лица к мерам юридической ответственности. В своём крайнем выражении данный рациональный выбор может сводиться к оставлению правонарушения без должной реакции.

В литературе, базирующейся на праксеологическом подходе, любое правовое явление оценивается через систему критериев, многие из которых формируют соответствующие принципы прикладного влияния. Так, одни исследователи полагают, что данные критерии универсальны и для социальных отношений, и для правоотношений [4, с. 20]. Другие авторы, опираясь преимущественно на эмпирические показатели, считают необходимым сформулировать специальные праксеологические критерии [5, с. 193].

В обобщённом виде сторонники правовой праксеологии отмечают, что подобные критерии обладают междисциплинарным характером, поскольку образуются не только в рамках формально-юридического подхода, но и на уровне фактической практики, выступающей, в свою очередь, проявлением человеческой деятельности [6, с. 267].

Например, в таком качестве представляется деятельный критерий, соотносящий общую человеческую активность со специальными действиями. Сама по себе обязанность претерпеть меры негативного характера, предусмотренные нормами права, опирается не только в общие условия (наличие противоправности, вины, причинно-следственной связи, вреда), но в фактическое состояние субъекта ответственности, т.е. в его возможность участвовать при реализации негативных мер (возраст, психическое состояние, состояние здоровья, экономическое положение и др.). Последние обстоятельства наиболее часто прослеживаются в российской правоприменительной практике и в качестве барьеров для воплощения юридической ответственности [7], и в качестве оценки целесообразности всего процесса по наложению данных мер и их осуществлению [8].

Таким образом, исследование юридической ответственности с позиций праксеологического методологического подхода происходит исключительно при наличии определённой динамики отношений, развивающихся по поводу совершённого правонарушения. Однако отдельные учёные полагают, что ответственность, как проявление человеческой деятельности, может демонстрировать и активно-преобразующий критерий, и пассивно-упорядоченные признаки в плоскости её результативности [9, с. 125].

Так, подобная дихотомия критериев прослеживается при оценке материальных санкций, влияющих не только на экономическое положение виновного лица, но и на его сознание. На правопримените-

ля возлагается функция их сопоставления в целях определения наиболее эффективной меры ответственности. В частности, применение минимального штрафа, как инструмента воздействия, изначально нецелесообразно, если виновный субъект имеет широкие экономические возможности и не изменит своё поведение вследствие этого наказания. Отсюда в российской практике фиксируются такие тенденции, когда уплата штрафа выгоднее, чем совершение основного обременительного действия (осуществление обязательства, уплата долга, налога, оформление лицензии) [10; 11].

В прямо противоположном ключе назначение несовершеннолетнему нарушителю наказания в виде лишения свободы во многих случаях приводит лишь к усугублению его уровня правосознания и укоренению противоправных ценностей [12].

В силу отмеченных особенностей праксеологи, исследующие юридическую ответственность, выделяют комплекс критериев, позволяющих выявить и зафиксировать практическое влияние действий, совершаемых субъектами данных правоотношений. Ключевое значение имеет закономерность т.н. «тотальной взаимосвязи», в силу которой юридическая ответственность с сопредельными фактическими условиями, препятствующими или усложняющими её реализацию, является эффектом от взаимодействия участников отношений [13, с. 45]. В свою очередь, праксеологическое назначение юридической ответственности заключается в её динамическом влиянии на целый ряд последствий, в которых выражается активное взаимодействие людей [14, с. 77].

Критерий процессуальности в структуре юридической ответственности признаётся праксеологическим в силу того обстоятельства, что с его помощью оценивается динамика развития отношений, сопутствующих привлечению виновного лица к мерам неблагоприятного характера. Выступая объектом юридического процесса, ответственность сопряжена с различными социальными, политическими, экономическими процессами [15, с. 70]. С помощью такого критерия можно выявить тенденции правоприменительной практики, образующие в совокупности вектор правовой политики [16, с. 114]. Так, благодаря процессуальному критерию определяются нетипичные подходы правоприменителя к оценке противоправного поведения (отсутствие реакции на некоторые правонарушения, изменение трактовки норм права, избирательность в наложении мер ответственности и т.п.).

Праксеологический эффект правоприменительной практики заметен в общем механизме правового регулирования отношений, которые сопряжены с юридической ответственностью. Например, злоупотребления в сфере цифровых технологий провоцируют общественную и государственную реакцию в виде новых способов противодействия правона-

рушениям, в необходимости придания им правовой формы [17].

Схожим образом динамика телефонных мошенничеств в Российской Федерации, которые организованы в местах лишения свободы, в период антиковидных ограничений обнажили запрос на модернизацию юридической ответственности. В начале 2021 г. был принят закон, ограничивающий использование мобильных средств связи в учреждениях по отбыванию уголовных наказаний [18]. В частности, операторы связи обязаны заблокировать сигнал по требованию Федеральной службы исполнения наказаний.

Таким образом, праксеологический подход позволяет определить факторы, детерминирующие развитие института юридической ответственности на соотношении законодательства и правоприменительной практики. Во многом эта задача достигается исследованием практического эффекта от реализации мер ответственности в силу критериев, предлагаемых социально-философскими учениями о человеческой деятельности (праксеологическом направлении). В подобном разрезе юридическая ответственность оценивается при сопоставлении целей и фактических результатов, а также способов достижения и человеческого восприятия её непосредственного назначения. Тем самым праксеологические критерии демонстрируют вектор развития правоприменительной практики на соотношении неформального поведения субъектов с эффективностью применения к ним мер ответственности.

Литература:

1. Легостаева В.В. Правовая социализация личности и позитивная юридическая ответственность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2012. – № 2. – С. 9-12.
2. Маркунин Р.С. Методологические подходы к исследованию юридической ответственности органов государства // Государственно-правовые исследования. – 2020. – № 3. – С. 382-385.
3. Остапенко А.С. Некоторые аспекты регулирования общественных отношений моралью и правом // Философия права. – 2007. – № 5 (25). – С. 116-119.
4. Сапун В.А., Шундилов К.В. Инструментальная теория права и человеческая деятельность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2013. – № 1 (306). – С. 14-32.
5. Тихонов Я.И. Превенция и эффективность мер юридической ответственности // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 4 (33). – С. 192-194.
6. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности: Методол. пробл. соврем. науки. – М.: Наука, 1978. – 391 с.
7. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 24.03.2009 г. № 6-119/09 «Отсутствие в действиях правонарушителя рецидива, тяжелых последствий от совершенного правонарушения, острая нуждаемость лица в пользовании транспортным средством ввиду преклонного возраста предоставляют суду право освободить лицо от административной ответственности в связи с малозначительностью правонарушения даже при фактическом наличии в действиях признаков состава правонарушения по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, если оно само по себе не содержит опасных угроз для личности, общества или государства» // СПС Гарант.
8. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 20.02.2019 г. по делу № 33-2942/2019 «Между сторонами был заключен кредитный договор, истец ссылается на то, что ответчик не предоставляет ему возможность для реструктуризации долга, начисляет проценты и штрафные санкции, которые он в силу тяжелого финансового положения не в состоянии оплатить, он направил заявление о расторжении кредитного договора, однако заявление оставлено без удовлетворения».
9. Маркин А.В. Логика принудительности в природе юридической ответственности // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2019. – № 16. – С. 123-127.
10. Определение Верховного Суда РФ от 31.01.2022 г. № 307-ЭС21-26933 по делу N А56-7923/2021 «В передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отказано, так как суд, проанализировав условия контрактов, отметил неденежный характер обязательства по пунктам контрактов, его фактическое исполнение ответчиком, необходимость нахождения баланса между конкретной величиной неустойки и наступившими неблагоприятными последствиями на стороне кредитора, недопустимость превращения института неустойки в способ обогащения кредитора в противоречие с ее компенсационной функцией».
11. Определение Верховного Суда РФ от 19.03.2020 г. № 305-ЭС19-25950 по делу № А40-293311/2018 «Дело передано для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, поскольку, учитывая конкретные обстоятельства настоящего дела, значительный размер штрафа (в размере годо-

- вой арендной платы за объект аренды), а также принимая во внимание, что штраф служит средством, обеспечивающим исполнение обязательства, мерой, направленной на стимулирование исполнения обязательства, а не способом обогащения, у суда первой инстанции имелись правовые основания для снижения штрафа».
12. Апелляционное определение Московского городского суда от 19.02.2021 г. по делу № 1-1780/2021 «Приговор изменен, смягчено назначенное наказание», апелляционное определение Верховного суда Чеченской Республики от 18.08.2021 по делу № 22-319/2021 «Приговор отменен, уголовное дело направлено на новое рассмотрение».
 13. Авдеенкова М.П. Элементы системы юридической ответственности и особенности их взаимодействия // Современное право. – 2008. – № 5. – С. 44-49.
 14. Чуклова Е.В. Взаимосвязь института процессуальной ответственности с правоотношениям и юридической практикой // Юридические исследования. – 2019. – № 10. – С. 73-85.
 15. Глинда А.И. Системные связи института юридической ответственности с социальной действительностью и их динамика // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2020. – № 1 (33). – С. 69-73.
 16. Пайтян Р.Х. Актуальные аспекты взаимодействия морали и права в современном российском обществе // Правовая культура. – 2015. – № 4 (23). – С. 113-116.
 17. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 04.06.2021 г. по делу № 66-1944/2021 «О прекращении создания технических условий, обеспечивающих размещение, распространение и иное незаконное использование спорных музыкальных произведений».
 18. Федеральный закон от 09.03.2021 г. № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Российская газета. – 2021. – № 52.

Praxeological Criteria of Legal responsibility in Russian Law Enforcement Practice

Ryazanova M.N.

Kazan branch of the Russian State University of Justice

In the article, the author assessed legal liability from the standpoint of the praxeological methodological approach. The main attention is paid to the correlation of modern socio-philosophical trends with theoretical and legal trends in the study of the practical effect of liability measures, as well as the dependence of liability on actual circumstances. As a result, the author concluded that it is necessary to analyze praxeological criteria if there is a certain dynamics of relations. The main methods of conducting research were general scientific (formal-logical, analytical) and some particular scientific methods (legal praxeology, legal hermeneutics). They were needed to assess the trends in Russian law enforcement practice on certain aspects of the application of legal liability measures. The author puts forward as the main conclusion the fact that legal responsibility has a set of praxeological criteria that allow comparing its goals, results, ways to achieve them and human perception.

Key words: legal responsibility, praxeology, law enforcement practice, legal regulation, theory of law, legal policy, legal relations

